

ВЕСТНИК

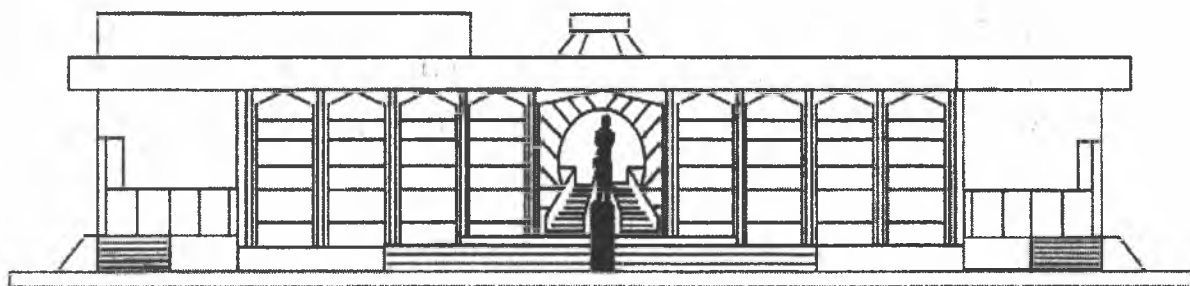
*Кыргызско-Российского
Славянского университета*

*Всегда нам открытым путь
Темновым провещанным дух,
Ах, ах, как сльеза трудится,
Илишь, парадное дух,
И сирот, да правотами.*

Александр Пушкин

2017

Том 17, № 11

ISSN 1694-500 X

**КЫРГЫЗ-РОССИЯ СЛАВЯН
УНИВЕРСИТЕТИНИН**

КАБАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКОГО
СЛАВЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

2017

Том 17

№ 11

УДК 343.358.3:94 (575.2)

БОРЬБА С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.Ш. Сыдыков

Раскрываются основные проблемы борьбы с должностными преступлениями в Кыргызстане на заре советской власти, а также причины распространенности этого негативного явления на территории республики; выявляются основные тенденции развития законодательства.

Ключевые слова: советская власть; союзная республика; должностные преступления; законодательные акты; уголовное законодательство; уголовная ответственность; карательная судебная система.

THE WHITE-COLLAR CRIME IN KYRGYZSTAN IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

A.Sh. Sydykov

In article on a rich historical material reveals the main problems of white collar crime in Kyrgyzstan at the dawn of Soviet power; identifies the main trends in the development of legislation and the reasons of the prevalence of this negative phenomenon in the territory of the Republic.

Keywords: Soviet power; Federal Republic; malfeasance; legislation; criminal legislation; criminal liability; punitive judicial system.

С установлением советской власти в Кыргызстане началось разрушение старой государственной машины и создание нового, советского аппарата управления. Были упразднены многие учреждения, созданные царским правительством, и судебные органы. Вместе с тем ключевые должности в новых структурах, создаваемых на местах большевиками, заняла в основном зажиточная часть населения. Однако по причине отсутствия кадров вплоть до лета 1918 г. действовали на севере Кыргызстана суды биев, на юге – суды казиев [1, с. 36].

Стоит отметить, что с 1917 по 1924 г. уголовное законодательство в Кыргызстане не было кодифицированным. Источниками уголовного права служили обращения большевиков к местному населению, постановления съезда Советов, декреты, указы местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, инструкции Наркомюста России и Совета народных комиссаров Туркестана, избранного 15 ноября 1917 г. Эти законодательные акты содержали указания на отдельные виды должностных преступлений без определения признаков их составов. В первые же месяцы существования

советской власти был издан ряд актов, направленных на борьбу с должностными преступлениями: инструкция Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. “О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, порядке ведения его заседаний” [2]; декрет Совета народных комиссаров “О суде” от 24 ноября 1917 г. № 50 [3]; декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета советов “О революционных трибуналах” (Положение) от 12 апреля 1919 г. [4]. Однако в этих актах не было еще точного и исчерпывающего перечня признаков отдельных должностных преступлений, не во всех случаях определялись наказания за их совершение, но уже сами акты свидетельствовали о непоколебимой решимости Советского государства и партии вести непримиримую борьбу с должностными преступлениями, содействуя тем самым укреплению государственного аппарата.

В 1924 г. на территории Кара-Киргизской автономной области стал действовать российский Уголовный кодекс 1922 г., который на тот момент был единым для всех государств Средней Азии, в которых установилась советская власть. В этот

период в республике не было своего самостоятельного уголовного законодательства, как и собственных служащих. Все законодательные акты “спускались” сверху – из Москвы, и на все государственные и административные посты назначались люди по разнарядке Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. На первых порах они старались не разрушать традиционный уклад кыргызского общества и обучать грамоте местное население, отдельных его активистов, примкнувших к большевикам, – основам права и борьбы с преступностью (местные наряды милиции, следователи и т.д.), а также готовили часть из них для работы в низовом советском аппарате. Однако уже в 1927 г. советские чиновники забили тревогу. Так, в отчетном докладе о работе НКЮ, прокуратуры и Главсуда Кирг. АССР за 1927 г. говорилось, что «баи и манапы устанавливали порядок пользования выпасами районами и взимали налоги “отмай” со скотоводов, производили суд и расправу за неповиновение». В этом же докладе отмечается, что “в органах прокуратуры слабо проводится работа по борьбе с мздоимством и незаконными поборами <...> Кроме того, низовые соворганы сами проводят незаконные самообложения – на жалование милиционеру, для членов Комиссии по учету объектов обложения сельхозналога, для судей и прокуроров” [5, л. 21].

Председатель облсуда КАО Авербург указывал, что “влияние манапов большое во всем низовом советском, партийном и общественном аппарате. Есть случаи, когда манапы командуют ячейками ВКП (б)” [6, л. 16]. Авербург объяснял это тем, что «Киргизия имеет до 62 % населения, живущего еще в основном в обстановке очень сильного и успешно сопротивляющегося напору новых хозяйственных форм родового строя и натурального хозяйства <...> При таком положении дел, естественно, сохраняются и всевозможные традиционные поборы с простого народа, однако жалобы на это поступают крайне редко, если, конечно, это не касается “чужого” манапа или бия, так как люди “боятся быть сурово наказанными» [6, л. 16]. Кроме того, члены партийных ячеек на местах, как правило, поддерживали эти “добровольные взносы”. Так, на поминках (аш) в 1925 г. в Пржевальском округе два коммуниста из местных приняли участие в их организации и заявили населению, что “если они от имени коммунистов вынесут постановление об устройстве аша, то никакой бедняк не может отказаться от уплаты сделанного разложения (т.е. распределения долей. – А.С.), причем те, кто все-таки отказался, подверглись различным наказаниям советскими властями” [7, л. 163].

Исходя из всего этого, народные массы не видели никакой разницы между новой советской властью и дореволюционными порядками. Принимаемые решения в Москве и Пишпекке о массовом привлечении бедняков в советские органы управления, спускаясь вниз, приобретали традиционный характер, т. е. во власти должны быть лучшие в роду, а это всегда – манапы и бии [8, л. 22]. Так, на Сусамыре в 1927 г. «должности биев и аксакалов в общинах заменялись “шулунами” – сыновьями биев и манапов, занимавших должности в низовом советском аппарате» [5, л. 3]. Отмечалось, что «все возникшие споры разбираются “шулунами”, но в случае несогласия недовольная сторона жалуется в прокуратуру» [5, л. 3].

Представляет интерес также и отчет о деятельности Прокуратуры КАО за второе полугодие 1928 г., в котором прокурор отмечал следующее: “Даже в областном центре во главе милиции сидят безголовые, которые ничего не понимают. В частных беседах уже приходилось говорить о необходимости разогнать милицию совершенно, чтобы зря не ели государственные деньги, ибо ни одного хорошего момента, хотя бы случайного, в работе милиции прокуратура не видит, а преступных моментов, иной раз и смешных – масса. В следственных аппаратах почти то же самое – за полугодие на 14 участках было 11 случаев замены. Буквальная безграмотность, родовые связи делают следственный аппарат совершенно не пригодным; часты случаи, когда следователь получил материал – дело не заводит, а ждет примирения по обычаем. Был случай, когда два нарследователя в Каракольском округе, при попустительстве прокурора, сами по родовым признакам разделили территорию своих участков. Почти во всех участках, где работают местные следователи, дела ведут на 100 % секретари. Надзор затрудняется еще тем, что в Ошском и Джалалабадском округах дела ведутся на киргизском, узбекском и древнеузбекском языках, посему большой процент дел нами пропускался совершенно без проверки, ибо переводчиков у нас нет, кроме того, древнеузбекский язык никто не знает. Общее положение органов дознания и следствия пока безнадежны. Осталась надежда на милицейские курсы и на переподготовку следственных работников <...> В прокуратуре в настоящее время имеется колоссальное количество сведений о безобразиях, преступлениях и цифровых данных о работе низовых органов” [6, л. 86].

В связи с катастрофическим положением дел в сентябре 1928 г. поступило циркулярное письмо из НКЮ и Главсуда Кирг. АССР всем прокурорам кантонов и уполномоченным Главсуда, в котором

для укрепления революционной законности и продвижения ее в аулы, кишлаки и деревни предлагалось: "...7) ускорить движение дел по растратам и бесхозяйственности, так как в большинстве обвиняемые остаются безнаказанными <...>; 15) углубить в дальнейшем работу по борьбе с незаконными бытовыми обложениями и самообложениями населения на уплату дополнительного жалования лицам низового соваппарата и принять репрессивные меры для прекращения бескредитных выдач как в центре, так на местах" [9, л. 47–49].

Важным актом для борьбы с должностными преступлениями стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. "О революционной законности", обращавшее внимание на "наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне". Пленум Верховного Суда СССР в разъяснении от 27 марта 1935 г. пояснил, что под понятие должностного лица в колхозах и совхозах подпадают лишь работники, выполняющие административные, хозяйственные или оперативно-распорядительские функции [10, с. 5]. Кроме того, в доктрине должностными лицами назывались также представители власти [10, с. 5]. При этом признавалось в целом неважным, на каком основании данное лицо выполняет соответствующие функции, за плату или бесплатно.

В 1936 г., с образованием союзной республики в составе СССР, Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории Кыргызстана были упразднены кантоны и округа и образованы Фрунзенская, Джалалабадская и Ошская области. С этой поры началось законодательное закрепление неотвратимости уголовной ответственности всех виновных в коррупционных преступлениях. Основными средствами борьбы с должностными преступлениями было законодательное закрепление неотвратимости уголовной ответственности всех виновных в коррупционных правонарушениях, установление равного наказания для всех субъектов, опубликование фактов всевозможных злоупотреблений, учреждение специального органа – комиссии по борьбе со взяточничеством, создание информационной базы данных и ведение отчетности по делам об осужденных за должностные преступления.

От следственных органов вскоре потребовали "ориентироваться на правильную классовую линию в расследовательской работе и чуткое, своевременное, полное проведение директив партии и правительства <...> Классовый подход должен пронизать собою все моменты расследования"

[11, с. 38]. Суд так же, как следственные органы, обязали не отходить от "классовой линии" КПСС: "Практика проведения хозяйственно-политических кампаний сигнализирует о том, что некоторые судьи недостаточно включаются в кампании, недостаточно четко проводят классовую линию по кампанийским делам, неправильно в ряде случаев используют такое оружие, как уголовная репрессия <...> Поэтому участие в борьбе со всеми такого рода недочетами и искривлениями в уголовно-судебной практике нарсудов составляет неременную обязанность районного прокурора" [12, с. 58]. Таким образом, в начале 30-х гг. было завершено создание "карательно-судебной системы", как ее уже именовали в партийных и правительственных документах того времени. Один из председателей окружного суда с горечью писал: "Сажая на скамью подсудимых, не разбираясь зачастую в необходимости. Особенно свирепствуем по должностным преступлениям <...> По этой категории дел мы часто возбуждаем преследования без всяких оснований..." [13, с. 9].

Проведение широкомасштабных "разоблачительных" кампаний в Кыргызстане сопровождалось для борющихся за власть различных групп по родственным, земляческим и родовым признакам. [14, с. 11]. Клановые партийных работников приписывали друг другу в основном вымышленные обвинения в "буржуазном национализме", в "правом и левом оппортунизме", в "связи с кулаками". Эти лживые обвинения внесли свой дополнительный вклад в репрессии в 1937–1938 гг. в республике [14, с. 11].

Вместе с тем репрессивной политике государства в 30-е гг. некоторые историки нашли неожиданное оправдание. Довольно необычную точку зрения на происходящее высказал русский философ и правовед, представитель второй волны эмиграции 1922 г. С.И. Гессен. В отличие от распространенной точки зрения о том, что черной страницей Советского Союза явились 1937–1939 гг. – период самой жестокой репрессивной политики государства и прямого участия в ней НКВД и прокуратуры, С.И. Гессен, изучив в Лондонской, Варшавской и Пражской библиотеках большое количество архивного материала, а также секретных документов английских разведслужб, сделал неожиданный вывод. "В данный период (т. е. конец 20-х – начало 30-х гг. – А.С.), – считает С.И. Гессен, – молодому советскому государству угрожала опасность быть разрушенным из-за коррупции <...> Большинство бывших белогвардейцев и частных собственников, массово убивавших в период гражданской войны мирных людей,

поменяли документы и стали жить в СССР под чужими именами и биографиями. Используя это и другие обстоятельства, они проникали в органы государственной власти и часто оказывались там на больших должностях. К концу 20-х годов некоторые из них проникли даже в ЦК партии. Большая нужда советской власти в специалистах разных профилей заставляла большевиков закрывать глаза на многие темные пятна в их биографиях, но до поры до времени. Вот почему тайные враги советской власти пользовались в те годы полной безнаказанностью и разрушали при тайной поддержке западных разведслужб первое социалистическое государство в мире изнутри всеми возможными методами и способами, стремясь затормозить его развитие и остановить наведение порядка и законности в стране социализма ...” [15, с. 284].

Далее автор пишет о нарабатанных схемах и способах уничтожения советской экономики путем хищений государственной собственности, особенно во время строительства заводов, фабрик и т. д. Он напоминает, что только за первые три пятилетки в СССР было построено более 9 тыс. предприятий. “Под разными предлогами объем материалов и предметов быта для строительства заводов, фабрик, жилых комплексов сознательно завышался. Затем лишнее незаконно списывали по подложным актам по тем или иным выдуманным причинам и продавали” [15, с. 286]. Подобная практика среди чиновников и руководителей предприятий в 20-х – начале 30-х гг. получила такое широкое распространение, что по ее причине срывались сроки пусков многих заводов и фабрик” [15, с. 285].

Уголовный розыск отправлял в суды тысячи дел, но тотальная коррупция дошла и до суда, поэтому лишь немногие из преступников-расхитителей и вредителей оказывались в тюрьмах. С другой стороны, молодое советское общество со всех сторон (т.е. во всех союзных республиках) стремительно пожирало взяточничество, вредительство и порча государственного имущества” [15, с. 184]. Конечно, жестокие репрессии – не оправдание политики Сталина в 30-е гг., однако можно предположить, что приведенные С.И. Гессеном мотивы, вызвавшие ее проявление, вполне могли иметь место в действительности.

В первой социалистической Конституции СССР 1936 г., в ст. 131, было записано: “Лица, покушавшиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа”. Это был отчаянный и вынужденный шаг молодого советского государства, которое устало от бесконечного разворовывания общественной собственности демократами-либералами и решило, наконец, остано-

вить повальное воровство и хищения. Прокурорам было дано жесткое предписание об ужесточении надзора. Одним словом, обязанность прокурора сводилась к тому, чтобы, как подчеркивалось в установках Прокуратуры СССР, “со всей революционной бдительностью, энергией и мужеством драться до конца со всеми извращениями и расхищениями социалистического имущества” [15, с. 184]. Тем самым государство стало, по сути, единственным и единственным собственником имущества, что повлекло осуществление жесткого централизованного контроля во всех сферах жизни общества.

На основании изложенного выше можем сделать следующие выводы:

1. Если в дореволюционный период законодатель на первый план ставил защиту интересов государства, интересов службы, а проблемы граждан от должностных преступлений отодвигались на задний план, то к началу 1917 г. уголовное законодательство в сфере должностных злоупотреблений заметно ужесточилось. Хотя не было еще точного и исчерпывающего перечня признаков отдельных должностных преступлений, не во всех случаях определялись наказания за их совершение.

2. На заре советской власти в Кыргызстане не было своего самостоятельного уголовного законодательства. Только с 1936 г., с образованием советской республики, началось законодательное закрепление неотвратимости уголовной ответственности всех виновных в должностных преступлениях.

3. Ужесточению борьбы с должностными преступлениями способствовал рост хищений государственной собственности и расширение коррупционных схем, вредительства и порчи государственного имущества.

Литература

1. Иманкулов М.К. История Кыргызстана: XX – начало XXI века / М.К. Иманкулов. Бишкек: Билим, 2006. 116 с.
2. Инструкция Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года “О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, порядке ведения его заседаний” // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/28274>
3. Декрет Совета народных комиссаров “О суде” от 24 ноября 1917 года № 50 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома

- СССР. М., 1942. С. 41–43 // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/27996>
4. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов “О революционных трибуналах” (Положение) от 12 апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 190–193 // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/35837>
 5. Доклад прокурора Сусамырского округа народному комиссару юстиции Киргизской АССР, 1927 г. // ЦГА КР, ф.145, оп. 1, ед. хр. 118, л. 3–21.
 6. Отчетный доклад о деятельности Прокуратуры КАО за второе полугодие 1928 г. // ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 2, д. 25.
 7. Протокол заседания Исполбюро Каракиргизского обкома РКП(б) от 7 апреля 1925 г. [Микрофлэш] // ЦГА КР, ф.10, оп. 1, д. 21.
 8. Протокол Совещания членов областного суда и прокурорского надзора КАО. 17 февраля 1925 г. [Микрофлэш] // ЦГА КР, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 61.
 9. Циркулярное письмо из Наркомюста и Главсуда Кирг. АССР всем прокурорам кантонов и уполномоченным Главсуда (сентябрь 1928 г.) // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 271.
 10. Смолицкий Г.Р. Должностные преступления / Г.Р. Смолицкий. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 68 с.
 11. Брагинский М. Первые шаги прокуратуры / М. Брагинский // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 37–42.
 12. Постановление ЦИК и СНК СССР “Об учреждении прокурора СССР от 29 июня 1933 года” // Советская прокуратура: сб. документов / сост.: Г.А. Метелкина, И.Н. Ширяев; отв. ред.: К.С. Павлищев, С.А. Шишков. М.: Юрид. лит., 1981. 288 с.
 13. Амиров З.И. Становление и развитие органов прокуратуры России (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / З.И. Амиров; Сев.-Кавказ. гос. тех. ун-т. Ставрополь, 2001. 23 с.
 14. Байдилеев Ж.Р. Политические репрессии в Кыргызстане: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ж.Р. Байдилеев. Бишкек, 2014. 24 с.
 15. Гессен И.В. Архив русской революции: в 12 ч. Ч. 1 / И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1921–1939. 3500 с.